

УДК 391.4

Е.Е.Нечвалода

К вопросу о происхождении аппликативного декора на традиционной обуви башкир

Статья посвящена проблеме генезиса в башкирской культуре традиции аппликации по сукну на голенищах праздничной обуви. Автором раскрывается генетическая связь башкирских аппликаций с художественными традициями племен скифо-сарматского круга, аргументируется тезис о формировании этой орнаментальной традиции в искусстве башкир на территории Южного Урала.

Ключевые слова: этнография башкир, традиционный орнамент, аппликация, художественные традиции ранних кочевников.

Ярким элементом традиционного башкирского костюма была обувь с кожаной головкой и с суконным голенищем (*сарык, ката*). Узоры, наносимые на праздничную женскую обувь такого типа, отличались сложностью, изысканной красотой и составляли особую группу в башкирском орнаменте. Техника, орнамент, колорит, композиции аппликативного декора были подробно описаны ранее [1, с. 118–122; 2, с. 147–149; 3; 4]. Основным способом украшения голенищ сарыков была аппликация из цветного сукна (*кайыу бостау*). Существовало две разновидности аппликативного декора из фабричного сукна на голенищах: 1) контурный (узоры выложены тонкими полосками сукна); 2) силуэтный или фигурный (узоры вырезаны из цельного лоскута). Наиболее распространенными на суконных голенищах женской обуви в конце XIX–начале XX века были контурные узоры, составленные из тонких полосок, спирально закрученных на краях.

Орнамент сарыков – явление самобытное, не имеющее прямых аналогий в искусстве других народов. Близкая художественная традиция известна нам по археологическим данным. По мнению С.И.Руденко, «орнаментика эта ... наиболее оригинальна и характерна для башкирского изобразительного искусства, и ее корни уходят глубоко в древность. Это искусство питалось теми же источниками, что и искусство древнего населения Горного Алтая середины I тысячелетия до н. э., так как там имеются поразительные аналогии» [5, с. 249]. Исследователи традиционного прикладного искусства башкир Н.В.Бикбулатов, Р.Г.Кузеев, С.Н.Шитова также связывали происхождение аппликативного орнамента *сарыков* с древними художественными традициями Южной Сибири и Алтая [1, с. 125–126, 262; 2, с. 148]. Археологические памятники скифо-сарматского времени на Алтае дали богатейшие материалы для сравнительного анализа и легли в основу таких утверждений. Найденные многочисленные образцы древних аппликаций были графически и стилистически близки аппликативному орнаменту на голенищах башкирской обуви [6; 7].

Нечвалода Елена Евгеньевна, старший научный сотрудник отдела этнологии Института этнологии Уфимского научного центра РАН, кандидат исторических наук, г. Уфа; конт. инф.: pishi-nikonor@yandex.ru

---

© Нечвалода Е.Е., 2012

Сопоставление башкирской аппликации с материалами из алтайских памятников обусловлено, прежде всего, хорошей сохранностью их вещевого материала и, следовательно, возможностью проведения анализа однородных по технологии и материалу изделий по комплексу взаимосвязанных признаков. Сарматские памятники Южного Урала не дают такой возможности и все же в них присутствуют предметы, которые стилистически и графически очень близки рассмотренной орнаментальной традиции в целом и силуэтным узорам на сарыках, в частности. Такие аналогии обнаруживают золотые оковки для краев деревянных чаш. Несмотря на то, что эти изделия имеют иной материал и назначение, они близки аппликации технологически: оковка вырезалась из тонкой золотой пластины и затем накладывалась на деревянную поверхность, к которой она «пришивалась» мельчайшими гвоздиками. Как и в аппликации, у части оковок основным декоративным средством является выразительный силуэт, в котором главенствуют спирали и завитки.

Привлечь для сопоставлений этот материал позволяет не только внешнее и технологическое сходство золотых оковок и рассматриваемых аппликаций, но и их возможная генетическая связь. По мнению С.И.Руденко, формирование некоторых характерных стилистических особенностей скифо-сарматского искусства было обусловлено зарождением их в технике вырезания из кожи и войлока [8, с. 54]. Технику аппликации он считал первичной для этого искусства: «Народные художественные образы, прежде чем претвориться в тех или иных монументальных архитектурных памятниках или в ювелирных изделиях, бытуют и развиваются в изделиях из материалов, технически более доступных, более распространенных» [8, с. 54]. Н.В.Полосьмак разделяет это мнение [9, с.75].

До нас не дошли одежды населения Южного Урала сарматского времени и предметы из мягких, легко разрушающихся материалов, но, возможно, они были схожи с образцами из алтайских курганов. Основанием для такого предположения служат выявленные тесные культурные связи населения Южного Урала и Горного Алтая в V–IV до н. э. [10, с. 61–62; 11, с. 138; 12, с. 102, 103; 13, с. 72]. У населения, оставившего Филипповские курганы, они прослеживаются наиболее отчетливо: «В комплексе этого кургана отражаются какие-то иные, особенные связи с территорией Алтая, которые выделяют его из общего массива памятников Южного Приуралья» [10, с. 61–62]. Учитывая эти «особенные» связи племен, оставивших пазырыкские и филипповские курганы, можно предположить, что сходными были не только их художественные традиции, проявленные в металлопластике, но и их культурный облик в целом. Возможно, что и аппликации из кожи (войлока) существовали в культуре сарматских племен Южного Урала.

Художественные традиции ранних кочевников оказали влияние на искусство соседних оседлых племен. Наиболее сильным оно было в культуре кара-абызцев – племен лесостепного Приуралья [14, с. 230]. Сарматское влияние в искусстве кара-абызцев проявилось как в унаследованных сюжетах звериного стиля, так и в бытовании спирального завитка в качестве главенствующего декоративного элемента. При столь интенсивном взаимодействии заимствованными могли оказаться не только сюжеты металлопластики, но и традиции декорирования мягких материалов. Вполне возможно, что искусство аппликации на Южном Урале в древности стало достоянием не только кочевых племен, но и их северных соседей.

Наибольшее сходство с древними образцами обнаруживают в башкирском искусстве орнаменты аппликации, вырезанные из цельного лоскута. Именно в них проявляются наиболее архаичные формы. Древние аппликации соответствуют им технологически: из лоскута кожи (войлока, сукна) вырезался задуманный силуэтный рисунок, накладывался на фон иного цвета, после чего он пришивался мелкими стежками по контуру. Выявленный комплекс аналогий между двумя художественными традициями (техника исполнения, колорит, орнаментальные мотивы, композиционные приемы, возможно материал для аппликации) не оставляет сомнений в их преемственности [6; 7]. Для С.И.Руденко «преемственность техники и до некоторой степени мотивов и стиля» башкирской аппликации на обуви с искусством «древних степных кочевнических племен» также представлялась несомненной [5, с. 293].

В присутствии в башкирской культуре художественных традиций, генетически связанных с искусством племен скифо-сарматского круга, нет ничего удивительного. С одной стороны, в древности территории, прилегающие к Южному Уралу, были заселены племенами кочевников, принадлежащих к скифо-сарматскому миру. Взаимодействие с «сармато-аланским» населением отразилось в этнонимии ряда древнебашкирских племен, оформившейся «на иранской языковой почве» [15, с. 429]. На территории Южного Урала и Приуралья фиксируется топонимика иранского корня [16; 17]. Иранизмы присутствуют и в языке башкир. В контексте нашей темы представляет интерес тот факт, что иранизмы сарматской эпохи встречаются и в лексике, связанной с овцеводством и обработкой шерсти: «башк. *бустау* «сукно» – перс. *пуст* «мех»; башк. *бакта* «шерсть весенней линьки» – перс. *пахте* «вата» (в персидском языке произошел перенос значения, т. к. в староперсидском в значении «вата» употребляется слово панбук (башк. *мамык* «вата»)) [18, с. 37]. Сам термин *сарык* иранского происхождения, он восходит к перс. *чарык* – «обувь» [19, с. 266].

Где и когда были усвоены предками башкир художественные традиции ранних кочевников, проявившиеся в аппликативном декоре башкирской обуви? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу ареала бытования обуви с узорными суконными голенищами¹ – это горная Башкирия (Белорецкий, Абзелиловский, Учалинский р-ны РБ) и Восточное Зауралье (у башкир Челябинской и Курганской областей). По мнению Н.В.Бикбулатова, ареал бытования обусловлен расселением отдельных башкирских родов и племен: «Сравнительно небольшая и четко очерченная территория распространения аппликации связана, очевидно, с этническими традициями отдельных родоплеменных групп башкир. Орнаментированные аппликацией сарык и ката, характерные для башкирских районов Челябинской и Курганской областей, на терри-

---

¹ У башкир существовало несколько видов обуви с суконными голенищами: праздничные женские сарыки на мягкой подошве с узорной аппликацией на голенищах, рабочие сарыки на мягкой подошве, мужские рабочие сарыки на твердой подошве, праздничные женские ката (на твердой подошве, на каблуке) с узорной аппликацией на длинных голенищах, ката с короткими голенищами. Некоторые из них сосуществовали на одной территории, другие бытовали локально [2, с. 146–151]. Все перечисленные виды обуви (за исключением ката с короткими голенищами) были распространены в восточных районах Башкирии и в Зауралье. Не все перечисленные виды обуви украшались узорной аппликацией из цветного сукна. Ареал распространения таких аппликаций полностью совпадает в челябинском и курганском Зауралье с территорией бытования сарыков и ката, а в Башкортостане территория ее бытования уже, чем у сарыков: традиция украшать голенища сложными узорными аппликациями локализуется в горной зоне.

тории собственно Башкирии были известны лишь населению Белорецкого и северной части Баймакского районов, то есть в основном башкирам родоплеменных групп Катай, Табын, Тиляу и Кубеляк. Именно катаяцы и табынцы составляли наиболее крупные родоплеменные группы башкир в челябинском и курганском Зауралье. Общность орнаментики в искусстве этих групп башкир, очевидно, является следствием общности их этнической истории» [1, с. 125]. Мы не разделяем высказанного мнения. Названные племена и роды были тесно связаны исторически, но они имели различное происхождение: табын, теляу, кубеляк – древнетюркское, катая – монгольское [15, с. 257, 265]. Связь этой традиции с определенной территорией проступает отчетливее, чем ее связь с тем или иным племенем. Севернее очерченного выше ареала у белокатайцев (Белокатайский р-н РБ) подобной обуви и аппликации нет, также как нет ее и на западе – у западных групп табынцев.

Предки табынцев жили на Алтае, память об исторической родине сохранилась в их преданиях: «В очень давние времена табынцы жили на Алтае. Даже само имя табын означает Алтай» [15, с. 254]. Было бы соблазнительно (и в контексте темы, и в свете выявленных аналогий башкирским аппликациям в искусстве древнего населения Алтая, и на фоне широкого бытования этой техники среди табынцев и родоплеменных групп исторически им близких) связать ее происхождение с этим башкирским племенем. Но считать табынцев посредниками в распространении среди восточных групп башкир специфических аппликаций на обуви мы не можем по ряду причин: 1) традиция не отмечена ни у западных табынцев, ни у казахских табынцев; 2) принадлежность этих специфических аппликаций к коренным этническим традициям такого мощного и влиятельного в Средние века племени, каковым являлось Табын, объединявшего в XII в. вокруг себя множество иных, разноязычных племен, что не могло пройти бесследно для их культуры. Мы вправе были бы ожидать найти хотя бы отголоски этих традиций в искусстве родо-племенных групп, находившихся в орбите их влияния. Но аппликативный орнамент на сарыках – самобытное явление башкирской культуры, не имеющее близких аналогов в искусстве других народов. Как уже ранее было отмечено, ни народам Волго-Уральского региона, ни тюркским народам Средней Азии такая обувь и аппликации не знакомы; 3) своеобразие этнических традиций табынцев формировалось в процессах активных и продолжительных тюрко-монгольских взаимодействий, отложивших яркий след монгольских влияний [15, с. 289], интенсивного взаимодействия с ираноязычным населением в этнической истории табынцев не прослеживается. Видеть в табынцах основных распространителей художественных традиций ранних кочевников в башкирском искусстве у нас нет достаточных оснований. К тому же трудно представить, что у табынцев, обитавших много веков в степных пространствах Евразии (от Семиречья до Волги, доходивших в составе кипчакских передвижений до Причерноморья [15, с. 263]) не только сохранилась в культуре, но и бытовала в качестве основной обуви сибирского типа (*сарык*), обувь пеших охотников [20, с. 58–60].

По нашему мнению, распространение этой художественной традиции невозможно связать с каким-либо конкретным башкирским племенем или родом. Ареал ее бытования не совпадает с границами ни одного племенного или родового подразделения. Внутри ареала носителями традиции выступают представители различных племен и родов, в то время как у их соплеменников, живущих за его пределами, такая обувь и декор не встречаются. Основной ареал – горная Башкирия – зона, где

многие традиционные черты быта сохранялись лучше. Н.В. Бикбулатов писал: «Распространение аппликации на сравнительно ограниченной территории может быть объяснено двумя причинами. Во-первых, в восточной Башкирии в силу своеобразия исторического развития дольше сохранились древние традиции, к которым мы относим и искусство аппликации. Во-вторых, узоры аппликации, по всей вероятности, с самого начала были связаны с определенными предметами одежды и бытового обихода, характерными далеко не для всех групп башкирского населения. Потому там, где эти предметы не имели распространения, не была известна и аппликация» [1, с. 127]. Проникновение традиции аппликации на суконных голенищах обуви в восточное Зауралье, очевидно, связано с миграционным движением и расселением там табынцев и катайцев в XVI–XVIII вв.

Башкирские аппликации на обуви, как уже было отмечено, генетически связаны с искусством племен скифо-сарматского мира. Несмотря на существование различных возможных путей проникновения «иранизмов» в материальную культуру и искусство башкир, рассмотренные нами традиции аппликации следует признать субстратным явлением, воспринятым на территории Южного Урала. Сарматское население Южного Урала оставило след в топонимике края, языке и антропологии башкир и логично именно в нем видеть посредника в передаче башкирскому искусству рассмотренных нами художественных традиций. Р.Г. Кузеев отмечал, что, осваивая территории Западного Казахстана и Урала, «пришлые табынцы ассимилировали ... многие местные этнические образования» [15, с. 257], среди которых могли быть и потомки ираноязычного населения – «остатки тюркизированных аланов» [15, с. 263]. Показательно, что наибольшее распространение аппликация на обуви имела не среди племен древнебашкирской группы (бурзян, усерган), предки которых взаимодействовали с «сармато-аланским субстратом» до расселения на Южном Урале (в VII–VIII вв. на Сырдарье и в Приаралье) [15, с. 142–145, 149, 426, 430]. Представляется, что именно на Южном Урале в ходе ассимиляции башкирскими племенами местного населения были усвоены аппликации, связанные генетически с культурой ранних кочевников. Как уже было отмечено выше, существование аппликаций в культуре древних племен Южного Урала представляется весьма вероятным. Орнаменту башкирских аппликаций прослеживаются аналогии в археологических памятниках Южного Урала и Приуралья сарматского времени: силуэтным узорам – в формах золотых окладок из Филипповских курганов, контурным узорам (из полосок сукна, закрученных на концах) – в спиральном орнаменте металлических изделий кара-абызцев.

Предположение о субстратном характере рассмотренной художественной традиции опирается не только на особенность ареала бытования у башкир, но и на обособленность этой традиции во всем Урало-Поволжье.

Список использованных источников

1. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
2. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа : Китап, 1995.
3. Никонорова Е.Е. Декор башкирской женской обуви с суконными голенищами (сарык, ката): техника, орнамент, истоки // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы. Уфа, 2009.

4. Тажитдинова Г.Ф. О некоторых особенностях технологии декорирования древней башкирской обуви *сарык*// Социально-экономические проблемы Уральского региона Республики Башкортостан: республиканская научно-практическая конференция : в 2 ч. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. Ч. 2.
5. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2006.
6. Никонорова Е.Е. Скифо-сарматские художественные традиции в декоре башкирской обуви: к проблеме Урало-Алтайских связей // Форум «Идель Алтай» : материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009.
7. Никонорова Е.Е. Истоки аппликативного декора на башкирской обуви: к проблеме взаимодействия степных и таежных культур на Урале и Алтае // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курультаяу башкир. Т. II. История. Уфа, 2010.
8. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
9. Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.
10. Перевозчикова Е.В. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из I Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Тр. САИПИ. Вып. 3. Барнаул, 2007.
11. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006.
12. Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык// Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем, 2006.
13. Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008.
14. Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II. Уфа, 1964.
15. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
16. Гарипов Т.М., Гарипова Н.Д. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
17. Матвеев А.К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Вып. 1. Свердловск, 1961.
18. Ишбердин Э.Ф. Башкирско-персидские лексические параллели и их семантические особенности // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы Всерос. научн. конф. Уфа, 2005.
19. Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке. Казань, 2002.
20. Шитова С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976.